

Европа и Евразія.

(По поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого „Европа и Человѣчество“).

Въ недавно вышедшей въ свѣтъ брошюрѣ кн. Н. С. Трубецкого „Европа и Человѣчество“ съ большою определенностью ставится вопросъ о соотношеніи западноевропейской культуры (которую князь Трубецкой называетъ по признаку расоваго происхожденія главнѣйшихъ народовъ Западной Европы культурой „романогерманской“), съ культурами остального человѣчества*). На вопросъ, „можно ли объективно доказать, что культура романогерманцевъ совершеннѣе всѣхъ прочихъ культуръ, нынѣ существующихъ или когда либо существовавшихъ на землѣ“ (стр. 14) — кн. Трубецкой даетъ определенно отрицательный отвѣтъ. И продолжаетъ: „Но если такъ, то эволюціонная лѣстница (культуръ, которую построили западноевропейскіе ученые П. С.), должна обрушиться... вмѣсто лѣстницы, мы получаемъ горизонтальную плоскость. вмѣсто принципа градаціи народовъ и культуръ по степенямъ совершенства, — новый принципъ равноцѣнности и качественной несоизмѣримости всѣхъ культуръ и народовъ земного шара“ (стр. 42). И этотъ „новый принципъ“ кн. Трубецкой выставляетъ съ большою экспрессіей и настойчивостью. Но умѣстно спросить: дѣйствительно ли этотъ принципъ является новымъ? Не заключается ли мысль, которую выдвигаетъ кн. Трубецкой, въ самомъ определеніи культуры, какъ оно существуетъ въ современномъ культуровѣдѣніи? Культура есть совокупность „культурныхъ цѣнностей“. А „культурная цѣнность“ есть то, что (согласно формулировкѣ кн. Трубецкого, слѣдующей за формулировкой „романогерманскаго“ социолога Габріеля Тарда) „принято для удовлетворенія потребностей всѣми или частью представителей даннаго народа“ (стр. 46). Слѣдовательно, для возникновенія „культурной цѣн-

*) Кн. Н. С. Трубецкой. Европа и Человѣчество. Россійско-Болгарское книгоиздательство, Софія, 1920 г., 82 стр.

ности", какъ таковой, вовсе не обязательно, чтобы ее „приняли для удовлетворенія потребностей“ всѣ субъекты чело-вѣческаго рода, все умопостигаемое чело-вѣчество. Для воз-никновенія культурной цѣнности достаточно признанія опре-дѣленной соціальной группы, хотя бы и небольшой. Иными словами, понятіе „культурной цѣнности“ и связанное съ нимъ понятіе „культуры“ вовсе не апеллируетъ, въ своемъ суще-ствованіи, къ признаку общепризнанности и общеобязатель-ности. Въ самомъ опредѣленіи такой цѣнности заключено указаніе, что нѣтъ общаго мѣрила, при помощи котораго „культурныя цѣнности“ одного народа можно было бы при-знать „лучше и совершеннѣе“ культурныхъ цѣнностей, соз-данныхъ другимъ народомъ. Въ этомъ смыслѣ культурная цѣнность есть „субъективная“, а не „объективная“ цѣнность, а субъективная цѣнность въ самой идеѣ устраняетъ вопросъ „объективныхъ доказательствъ“ ея совершенства или несовер-шенства.

Область культурныхъ оцѣнокъ есть область „философ-ской свободы“, и предъ лицомъ такой „свободы“ совер-шенно правъ кн. Трубецкой, когда онъ превозноситъ, напри-мѣръ, институтъ группового брака австралійцевъ, выставляя его преимущества передъ „элементарной европейской моно-гаміей“, или ставитъ принципиально на одну доску произве-денія дикаря и „футуристическія картинки, нарисованныя европейцами“ (стр. 40—42). Но былъ бы совершенно правъ и „добросовѣстный романогерманецъ“, который доказывалъ бы превосходство моногаміи и футуристическихъ картинокъ. Въдѣ и то и другое создано и утверждено въ своемъ бытіи „куль-турной цѣнности“ тою соціальною средою, къ которой при-надлежитъ онъ самъ, и по началу „субъективной“ цѣнности, въ ея коллективистическомъ выраженіи, не можетъ, по общему правилу, не казаться ему „совершеннѣй и лучше“ соотвѣт-ствующихъ созданій другихъ народовъ.

Безспорно существуетъ цѣлый рядъ „культурныхъ цѣн-ностей“, въ отношеніи которыхъ мысль кн. Трубецкого объ-ихъ „равноцѣнности и качественной несоизмѣримости“ обла-даетъ абсолютной правотой. Но всѣ ли „культурныя цѣн-ности“ качественно несоизмѣримы между собой? Кн. Тру-бецкой говоритъ о всѣхъ „культурахъ“ и притомъ воспри-нимаетъ „культуру“, какъ нѣкоторую единую совокупность „это можетъ быть и норма права, и художественное произ-веденіе, и учрежденіе, и техническое приспособленіе, и научное, и философское произведеніе“ (стр. 46). Допустимо ли такое обобщающее воспріятіе? . . . Будетъ ли обосновано воззрѣніе о „равноцѣнности и качественной несоизмѣримости“ куль-

турь, если въ качествѣ объекта сравненія взять какое либо „техническое приспособленіе“, — сопоставлять, напримѣръ, бумерангъ съ трехлинейной винтовкой, въ качествѣ орудія нападенія и защиты? Можно ли здѣсь говорить о томъ отсутствіи общаго мѣрила „совершенства“, которое мы обнаруживаемъ, обсуждая вопросъ въ примѣненіи къ „учрежденіямъ“ и „художественнымъ произведеніямъ“. Не возникнетъ ли здѣсь необходимость нѣкотораго общеобязательнаго сужденія, не будетъ ли принужденъ каждый homo sapiens признать винтовку „совершеннѣе“ бумеранга, въ качествѣ орудія нападенія и защиты? Дикари, уже знакомые со стекломъ, могутъ думать, что видимый нами небесный сводъ сдѣланъ изъ стекла. Можно ли приписывать этимъ воззрѣніямъ „качественную равноцѣнность“ съ „романогерманскими“ знаніями, касающимися атмосферы? Кн. Трубецкой, видимо, не отрицаетъ общеобязательности (или иначе говоря „совершенства“) логики, созданной романогерманцами: во всякомъ случаѣ, выражая надежду, что защищаемыя имъ мысли „доказаны логически“ (стр. VI) — онъ не даетъ exposé какой либо новой нероманогерманской логики. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія логики, опредѣленные разряды „культурныхъ цѣнностей“ являются „соизмѣримыми“ и „неравноцѣнными“, одни отвѣчая требованіямъ логики, а другіе — не отвѣчая имъ. Но поскольку это такъ, — правъ ли кн. Трубецкой, прилагая свои идеи о „равноцѣнности“ и „качественной несоизмѣримости“ не къ тому или иному разряду „культурныхъ цѣнностей“, а къ „культурамъ“, взятымъ, какъ совокупности? Среди инвентаря культуры необходимо различать два порядки культурныхъ цѣнностей; однѣ имѣютъ дѣло съ опредѣленіемъ *основныхъ направленій, цѣлей и „самоцѣлей“* народной и человѣческой жизни вообще; другія устанавливаютъ *средства*, которыя примѣняются для осуществленія цѣлей человѣческаго бытія. Это различіе можно развернуть въ противоположеніе *идеологій*, съ одной стороны, *техники и эмпирическаго знанія*, съ другой. Нормы права, художественныя произведенія, „учрежденія“, относящіяся, напримѣръ, къ такой отрасли, какъ полозая жизнь, обладающей несомнѣнно въ человѣческомъ существованіи „самоцѣльнымъ“ характеромъ, а также и философскія положенія относятся къ области „идеологій“. Научныя положенія и техническія приспособленія отходятъ, естественнымъ образомъ, ко второй группѣ. Мыслимы случаи, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, къ какой сферѣ отнести ту или иную „культурную цѣнность“. Возможность такого сомнѣнія отнюдь не устраняетъ важности указаннаго различія. Если даже считать выставленный кн. Н. С.

Трубецкимъ „принципъ равноцѣнности и качественной несоизмѣримости“ приложимымъ къ сферѣ „идеологии“: все же слѣдуетъ съ рѣшительностью указать на то, что въ области техники и эмпирическаго знанія, по самой природѣ предмета невозможно не признавать существованія нѣкотораго общезначительнаго, въ принципѣ мѣрила для оцѣнки относительнаго совершенства тѣхъ или иныхъ техническихъ или научно-эмпирическихъ достижений, для констатированія ихъ *не равноцѣнности* и въ то же время качественной *соизмѣримости*.

Ту мысль, которую мы заключили въ форму противоположенія идеологическихъ элементовъ культуры, съ одной стороны, и техническихъ и эмпирически-научныхъ элементовъ, съ другой, и связаннаго съ этимъ противоположеніемъ различія въ приемахъ и принципахъ оцѣнки — эту мысль можно, конечно, облекать въ иныя слова и другія, болѣе точныя формулы, чѣмъ это сдѣлали мы. Но намъ кажется, что выясняя отношеніе того или иного народа и тѣмъ болѣе всего „человѣчества“ къ западноевропейской (или какой либо иной) культурѣ, совершенно ошибочно обходить молчаніемъ то кардинальное различіе, которое существуетъ между отдельными группами „культурныхъ цѣнностей“, въ отношеніи ихъ мыслимой равноцѣнности и качественной соизмѣримости. Существуютъ обстоятельства, которыя, какъ намъ кажется, съ особенной настоятельностью требуютъ, чтобы на такую ошибочность было указано именно при обсужденіи идей кн. Н. С. Трубецкаго. Его трудъ несомнѣнно представляетъ собою, между прочимъ, призывъ къ нѣкоторому практическому дѣйствию въ области культуры. Онъ проникнуть даже нѣкоторымъ раздраженіемъ противъ „романогерманской“ культуры. Кн. Трубецкой говоритъ о „наводненіи романогерманской идеологии“ (стр. 79), о „нагломъ обманѣ космополитизма“ (стр. 82), о „ненавистномъ игѣ“ (стр. 76). Онъ зоветъ интеллигенцію не-романо-германскихъ народовъ произвести переворотъ. „Главною сущностью этого переворота является сознаніе относительности того, что прежде казалось безусловнымъ: благъ европейской „цивилизаци“. Это должно быть проведено съ безжалостнымъ радикализмомъ . . .“ (стр. 81). Кн. Н. С. Трубецкому не чуждо пониманіе, что „безжалостный радикализмъ“ долженъ относиться не ко всѣмъ атрибутамъ европейской цивилизаци. Не даромъ онъ называетъ „универсальными“ нѣкоторыя „произведенія [романогерманской матеріальной культуры — предметы военнаго снаряженія и механическія приспособленія для передвиженія“ (стр. 13) и, видимо, утверждаетъ тѣмъ самымъ необходимую универсальность ихъ распространенія. Такой же смыслъ имѣетъ признаніе, что при

известныхъ условіяхъ „заимствованіе отдѣльныхъ элементовъ романогерманской культуры не будетъ уже имѣть . . . отрицательныхъ послѣдствій“ (стр. 77). Но дѣлая призывы къ сверженію „ненавистнаго ига“ романогерманской цивилизациі, — нельзя ограничиться, въ отношеніи къ основному различію между „культурными цѣнностями“ послѣдней, въ смыслѣ отнесенности однѣхъ и безотносительности другихъ — намеками и оговорками. Выясненія же этого различія при помощи систематическихъ категорій культуровѣдѣнія мы не находимъ въ брошюрѣ кн. Трубецкого. Тѣмъ создается возможность „универсальнаго“ толкованія его призывовъ къ осознанію „относительности благъ европейской цивилизациі“ . . . Вполнѣ понятно стремленіе каждаго народа обрѣсти собственное свое идеологическое лицо и не быть, въ отношеніи идеологіи, на поводу у другихъ націй. Но въ какомъ положеніи очутился бы тотъ народъ, который, — внимая проповѣдямъ объ „относительности благъ европейской цивилизациі“ — захотѣлъ бы смѣнить винтовку бумерангомъ и современную физику и химию (съ ея техническими приложеніями не только въ области „военнаго снаряженія“ и „приспособленій для передвиженія“) — физическими и химическими „знаніями“ дикаря? . . . Съ точки зрѣнія должнаго, единственно жизненной, въ данной области, формулой національнаго существованія можетъ быть слѣдующая: *своя идеологія, безразлично, свои или чужія, техника и эмпирическое знаніе* . . .

Поскольку построеніе кн. Трубецкого можно толковать, какъ отверженіе, между прочимъ, и европейскихъ техники и науки (такое толкованіе находитъ себѣ подтвержденіе въ отдѣльныхъ сужденіяхъ кн. Трубецкого, напримѣръ, въ томъ, что „созданіе фабрикъ и заводовъ и изученіе европейскихъ наукъ“ онъ разсматриваетъ, какъ этапъ ненавистной ему „европеизациі“, стр. 71 — 72), — постольку подобныя идеи, несмотря на здоровое начало, въ нихъ заложенное, могутъ стать опасными для тѣхъ народовъ, къ которымъ обращены. Ибо совершенно очевидно, что тотъ народъ, который вздумалъ бы призывы, подобные призыву кн. Н. С. Трубецкого, отнести безразлично къ идеологіи, техникѣ и наукѣ — уменьшилъ бы во много разъ свою способность къ хозяйственному и политическому дѣйствию и даже, весьма вѣроятно, погибъ бы, какъ національное цѣлое, подъ напоромъ другихъ хозяйственно и политически болѣе сильныхъ народовъ и культуръ. . .

Въ общемъ строеѣ идей кн. Трубецкого, его излишне обобщенныя, приводящія къ неясностямъ формулировки (напримѣръ, касательно „принципа равноцѣнности и качественной несоизмѣримости всѣхъ культуръ и народовъ земнаго

шара" или „относительности благъ европейской цивилизации“) — пожалуй, и не заслуживали бы подробнаго разбора: ихъ можно было бы воспринять, какъ случайно проскользнувшую наивность. Если мы остановились на нихъ подробнѣе, то исключительно потому, что путемъ систематическихъ подраздѣлений, мы хотѣли бы содѣйствовать уточненію мыслей о культурно-идеологической эмансипации не-романогерманскихъ народовъ, мыслей, лежащихъ въ основѣ конструкцій кн. Трубецкого, — способствовать реалистической и эмпирической постановкѣ проблемы. Такая постановка невозможна внѣ сознанія, что наряду съ положительной цѣлью идеологически-національнаго „самоутвержденія" не-романогерманскихъ народовъ, сохраняетъ въ жизни послѣднихъ полное свое значеніе, какъ столь же положительная цѣль, и необходимость использовать на нужды этихъ народовъ техническія и эмпирически-научныя достиженія романогерманцевъ. Поскольку кн. Трубецкой не дѣлаетъ категорическаго и вразумительнаго заявленія объ этомъ, идеализация „дикаря", такъ же, какъ и замѣчанія объ „относительности благъ европейской цивилизации", приближаются къ проповѣди культурной слабости. . .

II.

Съ точки зрѣнія методологическаго анализа, совершенно ясно почему появились тѣ неясности и наивности, которыми страдаютъ построенія брошюры „Европа и Человѣчество" кн. Н. С. Трубецкого. Конструкціи кн. Трубецкого потому приблизились, по своему характеру, къ проповѣди культурной слабости, что авторъ ихъ игнорируетъ значеніе *силы*, какъ движущаго фактора культурно-національнаго бытія.

„Самое простое и наиболѣе распространенное доказательство (большаго совершенства романогерманской цивилизаціи, по сравненію съ культурой „дикарей") заключается въ томъ, что европейцы фактически побѣждаютъ дикарей. Грубость и наивность этого доказательства должна быть ясна для всякаго объективно мыслящаго человѣка. Этотъ аргументъ ясно доказываетъ, насколько поклоненіе грубой силѣ, составляющее существенную черту національнаго характера тѣхъ племенъ, которыя создали европейскую цивилизацію, живетъ и по сіе время въ сознаніи каждаго потомка древнихъ галловъ и германцевъ. . . Разбирать логическую несостоятельность (этого довода), конечно, не стоитъ. . . Европейцамъ постоянно приходится признавать, что побѣда весьма часто выпадаетъ на

долю народовъ „менѣ культурныхъ“. чѣмъ побѣждаемые ими туземцы“ (стр. 22). Тирада о „грубости и наивности“ приводимаго доказательства достойна занять мѣсто въ любой изъ рѣчей Ллойда Джорджа о „цѣляхъ войны“ противъ Германіи, рѣчей, которыя нынѣ, въ исторической перспективѣ, можно считать несравненнымъ образцомъ человѣческаго лицемѣрія.

— Но умѣстна ли такая тирада въ разсужденіи, претендующемъ на философскую безпристрастность? — Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны вернуться къ кругу мыслей, уже отчасти затронутому нами при анализѣ „принципа равноцѣнности и качественной несоизмѣримости всѣхъ культуръ и народовъ земного шара“. . . Мы должны установить, что оцѣнку большаго или меньшаго „совершенства“ той или иной цивилизаціи можно производить съ разныхъ точекъ зрѣнія. Можно производить ее, напримѣръ, съ точки зрѣнія нравственной идеи о Добрѣ и Злѣ, поскольку эта идея осуществляется въ явленіяхъ культуры. Съ этой точки зрѣнія, несостоятельность ссылокъ на фактическія побѣды евреепейцевъ надъ дикарями, какъ на мѣрило „совершенства“ культуры тѣхъ и другихъ, ясна безъ дальнихъ объясненій: съ этой точки зрѣнія такія ссылки прямо таки нелѣпы. Но если область сужденій о Добрѣ и Злѣ признать областью, подчиненной принципу „философской свободы“ — то придется констатировать, что эта область вообще не допускаетъ существованія логически общеобязательныхъ сужденій. . . Дѣло будетъ обстоитъ иначе, если оцѣнивать степень совершенства культуры, напр., съ точки зрѣнія развитія эмпирической науки. Съ этой точки зрѣнія, допустима градація культуръ по признаку богатства эмпирически-познавательнаго матеріала, накопленнаго каждой данной культурой. Но возможно оцѣнивать степень „совершенства“ культуръ также и по признаку относительной устойчивости или *силы*, которую онѣ обнаруживаютъ при взаимномъ соприкосновеніи. . . „Европейцамъ постоянно приходится признавать, что побѣда весьма часто выпадаетъ на долю народовъ „менѣ культурныхъ“, чѣмъ побѣждаемые ими туземцы. . . Всѣ признаваемые европейской наукой „великія культуры древности“ были разрушены именно „варварами“ (стр. 22). Слѣдуетъ добавить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда „великія культуры“ были разрушаемы „варварами“, эти послѣдніе, въ свою очередь, испытывали на себѣ вліяніе „разрушаемой“ ими культуры. Изъ всего этого слѣдуетъ, что признакъ наибольшей силы устанавливается по разному въ разныхъ отрасляхъ человѣческой культуры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одна и та же культура имѣетъ, въ отношеніи другой, и *военно-политическое преобладаніе и преобладаніе*

культурнаго вліянія, (какъ это случается при соприкосновеніи современныхъ европейцевъ и „дикарей“). Но въ другихъ случаяхъ одна культура, болѣе сильная въ военно-политическомъ отношеніи, является болѣе слабой въ отношеніи культурныхъ вліяній (какъ это имѣло мѣсто при разрушеніи „варварами“ „великихъ культуръ древности“). Фактическія побѣды европейцевъ надъ дикарями, какъ доказательство большаго „совершенства“ европейской культуры, по сравненію съ культурами „дикарей“, слѣдуетъ толковать въ смыслѣ большаго „совершенства“ культуръ съ точки зрѣнія *силы*. Въ *такомъ* смыслѣ, этотъ доводъ не заключаетъ въ себѣ ничего иного, кромѣ простаго констатированія факта, — но при томъ факта, чрезвычайно существеннаго въ общемъ строѣ человѣческой культуры.

Существенность этого факта заключается въ томъ, что выживаютъ и пріобрѣтаютъ историческое значеніе только тѣ культуры, которыя при соприкосновеніи съ другими оказываются достаточно сильными, чтобы отстоять свое существованіе хотя-бы въ одномъ изъ указанныхъ выше отношеній или военно-политическомъ или отношеніи культурныхъ вліяній. Въ иномъ случаѣ культура исчезаетъ, какъ исчезла культура инковъ и ацтековъ или столь отличныхъ отъ нихъ огнеземельцевъ и тасманійцевъ. . . Также и максима національнаго бытія, которую мы формулировали въ предыдущемъ „своя идеологія, безразлично, свои или чужія—техника и эмпирическое знаніе“ приложима только къ тѣмъ народамъ, которые проявили устойчивость и жизнеспособность въ культурномъ своемъ существованіи. Ибо возможна ли „своя идеологія“ у народа, который не способенъ ни милитарно защитить свою самостоятельность, ни противостоять—въ той или иной степени чужимъ культурнымъ вліяніямъ?! . . . Между тѣмъ, въ отношеніи такой защиты и противостоянія, народы міра никогда не находились и не находятся и сейчасъ въ одинаковомъ положеніи и располагаются, по этому признаку, скорѣй въ порядкѣ „лѣстницы“, чѣмъ „горизонтальной плоскости“. . . Это обстоятельство опредѣляетъ нашу оцѣнку той концепціи соотношеній романогерманской и не-романогерманскихъ культуръ, которую мы находимъ у кн. Н. С. Трубецкого. Кн. Трубецкой говоритъ о „Европѣ и Человѣчествѣ“, причѣмъ „Европа“—это романогерманцы, а „Человѣчество“—это совокупность „славянъ, китайцевъ, индусовъ, арабовъ, негровъ и другихъ племенъ. . . безъ различія цвѣта кожи“ (стр. 76). „Надо всегда и твердо помнить, что противупоставленія славянъ германцамъ или туранцевъ арійцамъ не даютъ истиннаго рѣшенія проблемы, и что истинное противупоста-

вление только одно: романогерманцы—и всё другие народы міра, *Европа и Человѣчество*» (стр. 82) Призывъ бороться съ „кошмаромъ... всеобщей европеизаціи“ обращенъ именно къ „Человѣчеству“. Такова постановка проблемы у кн. Трубецкого, игнорирующаго, какъ мы видѣли, признакъ *силы* въ вопросахъ соотношеній человѣческихъ культуръ. Можно ли признать такую постановку правильной, съ точки зрѣнія признанія *силы*, какъ основного движущаго фактора въ данной отрасли человѣческаго бытія? Съ этой точки зрѣнія, чтобы бороться съ „кошмаромъ... европеизаціи“, тому или иному народу недостаточно просто существовать, въ качествѣ одной изъ составныхъ частей „Человѣчества“, — но нужно имѣть возможность противопоставити романогерманской культурѣ свою равносильную ей культуру, — культуру, которая по-могла бы данному народу отразить шапъ *militari* политическія поползновенія романогерманцевъ и свести на нѣтъ преобладаніе культурнаго ихъ вліянія... Иными словами, чтобы свергнуть „иго“ романогерманской культуры, нужно имѣть не только желаніе, но и *силу* это сдѣлать... И призывъ, обращенный къ „Человѣчеству“ — освободиться отъ гниоза „благъ цивилизаціи“, можетъ имѣть реально-эмпирическое значеніе только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что всё народы, составляющіе „Человѣчество“, дѣйствительно имѣютъ потребную для этого силу... Намъ кажется, что къ настоящему моменту такое доказательство невозможно. Весьма многіе народы, — не говоря уже объ австралійцахъ и папуасахъ, но даже негры, малайцы, — имѣютъ весьма небольшіе шансы успѣшно сопротивляться романогерманской агрессии. Поскольку не нарушена установленная нынѣ взаимная связь всѣхъ частей земного шара, постольку для этихъ народовъ существуетъ только одна возможность: смѣна романогерманскаго ига какимъ либо инымъ. И потому, съ точки зрѣнія реально-эмпирической, призывъ къ культурной эмансипаціи, поскольку онъ обращенъ ко всему „Человѣчеству“ — есть мистическое *desideratum*, но никакъ не программа, имѣющая данныя на осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ... И однако же, нѣтъ дыма безъ огня... Каждое явленіе, въ томъ числѣ и явленіе духовной жизни, связано съ той эмпирической обстановкой, среди которой возникло и, отражаетъ ее въ себѣ. Поэтому, даже съ совершенно абстрактной точки зрѣнія, слѣдовало бы задаться вопросомъ: не служитъ ли появленіе призывовъ къ эмансипаціи, подобныхъ призыву кн. Трубецкого, признакомъ, что въ нѣкоторой эмпирической національной средѣ, а именно той, гдѣ этотъ призывъ раздается, — возникли условія, опредѣляющія собою возможность

осуществления такой эмансипации? Для мышления, учитывающего эмпирические возможности, противоположение „Европы и Человѣчества“, какъ программа борьбы за культурную эмансипацию, есть звукъ пустой. Но не стоитъ ли за построениями кн. Трубецкого реальность нѣкотораго иного противоположенія?... Если вникнуть въ идеи кн. Трубецкого, то какъ намъ кажется, не можетъ остаться сомнѣнія, что за ними стоитъ такая реальность. И эта реальность есть противоположеніе *Европы и Россіи*... Кн. Трубецкой сознаетъ, что нѣкоторыя свои положенія онъ могъ бы „обильно иллюстрировать примѣрами изъ русской исторіи и русской дѣйствительности“. Но отъ этого пострадала бы „ясность общаго плана“ (стр. IV — V). Между тѣмъ, нѣкоторыя части брошюры кн. Трубецкого написаны не только, между прочимъ, и о Россіи, но именно о Россіи. Таковы, на примѣръ, наблюденія надъ результатами приобщенія къ европейской культурѣ. Именно русскіе весь XVIII и XIX в.в. оцѣнивали „свой народъ и культуру... съ точки зрѣнія романогерманца“ (стр. 58). Другіе „европеизируемые“ народы, на примѣръ, японцы, — по признанію самого кн. Трубецкого, не причастны къ подобному униженію своей духовной личности. Именно въ русскомъ народѣ въ XVIII и XIX в.в. „каждое поколѣніе жило своей особой культурной жизнью, и различіе между „отцами и дѣтьми“ было у него... сильнѣе“, чѣмъ въ другихъ народахъ (стр. 62). Мы всѣ знаемъ „отцовъ и дѣтей“ русской жизни и литературы. Но имѣлъ ли кн. Трубецкой подобное указаніе, на примѣръ, относительно той же Японіи?... Перечисленіе отрицательныхъ послѣдствій европеизации, которое даетъ кн. Н. С. Трубецкой, относится, главнымъ образомъ, къ Россіи. Но если и самыя построения кн. Трубецкого сдѣлать объектомъ нѣкоторыхъ наблюденій со стороны, — то не явятся ли эти построения, воспринимаемая, какъ эмпирическое явленіе російской интеллектуальной жизни, — знакомъ, что внутри російскаго національнаго организма назрѣваютъ процессы, направленные къ тому, чтобы превратить „европеизацию“ въ преодолѣнный этапъ російской національной жизни?... Если нельзя ожидать, чтобы въ „Человѣчествѣ“, воспринимаемомъ, какъ совокупность, — оказались къ настоящему моменту достаточныя культурныя потенціи, чтобы устранить „европеизацию“ — то нѣтъ ли знаковъ, что такія потенціи имѣются въ одной изъ частей „Человѣчества“ (какъ его понимаетъ кн. Трубецкой) — въ Россіи?... Два факта эмпирической дѣйствительности представляются намъ особенно существенными въ этомъ отношеніи. Съ одной стороны, въ самомъ процессѣ „европеизации“ произошло „самоутвержденіе“

Россіи въ области изящной литературы и изобразительныхъ искусствъ. Это самоутвержденіе стало настолько несомнѣннымъ фактомъ, что къ концу XIX и въ началѣ XX вѣка духовный „экспортъ“ Россіи въ этихъ отрасляхъ былъ, нужно думать, не менѣе ея духовнаго „импорта“... Съ другой стороны, въ результатъ міровой Войны и Революціи въ Россіи создалось то историческое явленіе, которое именуется большевизмомъ. Можно въ полной мѣрѣ понимать, какъ ужасенъ терроръ, проводимый большевиками, какъ нелѣпо то разрушеніе россійской экономической жизни, которое проистекаетъ изъ ихъ хозяйственныхъ экспериментовъ. Но въ то же время нужно, какъ намъ кажется, признать, что большевизмъ, въ своемъ жизненномъ обличій, въ корнѣ отрицаетъ то умонастроеніе, которое заставляло русскихъ оцѣнивать „свой народъ и культуру... съ точки зрѣнія романогерманца.“ Правда, въ большевистскомъ дѣйствіи несомнѣнно сыграли большую роль вліянія, пришедшія съ запада. Но народный большевизмъ, большевизмъ, какъ практика, существенно разошелся съ тѣмъ, что для него надумали его первоначальные вожди. „западники“ — марксисты. Какъ осуществленіе — большевистскій социальный экспериментъ, по своимъ идеологическимъ и пространственнымъ масштабамъ, оказался безъ прототиповъ въ исторіи Запада и въ этомъ смыслѣ явился своеобразно россійскимъ. Для большевиковъ, въ ихъ стремленіи перестроить Россію, романогерманскій міръ отнюдь не служитъ непререкаемымъ образцомъ. Наоборотъ, для нихъ характерно стремленіе всю „капиталистическую“ Европу перекроить по своему — въ существѣ россійскому — образцу. Для большевистской идеологіи не историческіе центры Запада, — Парижъ, Римъ или Лондонъ — являются свѣточами вселенной, но города, которые никакъ нельзя признать за таковыя съ традиціонной „романогерманской“ точки зрѣнія:

„Петроградъ! Ты — пламень, красный, зоревой маякъ вселенной,
Твой народъ, разбивъ оковы, самъ судьбу свою куетъ. . .
Русь, пока ты одинока, но настанетъ мигъ блаженный,
Петроградъ, гвой стягъ побѣдный-в. вхъ подь стягъ свои соберегъ!“

(Василій Князевъ, переводъ стих. „Петроградъ“ нѣмецкаго поэта Макса Баргеля, 1920).

Но и для не-большевика представляется несомнѣннымъ, что явленіе большевизма, въ томъ міровомъ значеніи, которое оно приобрѣло — знаменуетъ собою значительный сдвигъ въ культурно-историческихъ соотношеніяхъ Европы и Россіи. Въ этомъ явленіи уже не Западъ выступаетъ въ качествѣ активнаго фактора и не Россія — въ качествѣ подражателя, съ нѣ-

которымъ запозданіемъ идущаго по путямъ, уже пройденнымъ другими народами. Въ данномъ случаѣ, она не повторяетъ, какъ обычно, того, что произошло въ руководящихъ центрахъ міра и прежде всего, въ „романогерманской“ Европѣ — но сама, своей судьбою, опредѣляетъ самымъ непосредственнымъ образомъ судьбу міра. . . . Большевизмъ рано или поздно смѣнится, конечно, инымъ строемъ. Но какой бы строй его ни смѣнилъ, — онъ восприметъ, весьма вѣроятно, то измѣненіе въ исторически-культурныхъ соотношеніяхъ Европы и Россіи, которое принесъ большевизмъ. Ибо сущность этого измѣненія состоитъ вовсе не въ противопоставленіи социалистическаго строя, въ его большевистскомъ толкованіи — капиталистическому строю Запада. Мыслимая міровая культура Россіи такъ же мало, какъ и другія міровыя культуры, можетъ быть сведена къ опредѣленному единообразному содержанію. Сущность указаннаго измѣненія состоитъ въ новомъ сочетаніи элементовъ активности и пассивности, творчества и подражанія, какъ оно опредѣляется въ послѣднее время въ соотношеніяхъ Европы и Россіи.

III.

Такова реальность, прощупываемая нами въ построеніяхъ кн. Трубецкого. Данное имъ противоположеніе „Европы и Человѣчества“ мы свели къ противопоставленію „Европы и Россіи“. Но и эта послѣдняя формула имѣетъ неудобства съ точки зрѣнія логической и мы сказали бы, географической. Дѣло въ томъ, что согласно общепринятымъ опредѣленіямъ, Россія, въ своей значительной части, составляетъ часть Европы и въ то же время Россія, въ другой своей части, выходитъ за предѣлы Европы: Томскъ и Иркутскъ есть такая же Россія, какъ Пенза и Харьковъ. Иначе говоря: Европейская Россія фигурируетъ въ обоихъ элементахъ противоположенія „Европы и Россіи“, что уничтожаетъ логическую и географическую четкость послѣдняго. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ чисто географическомъ смыслѣ Россія, въ границахъ 1914 года или вѣрнѣе въ своихъ частяхъ, лежащихъ на Востокъ отъ меридіана Пулкова (беремъ искусственные предѣлы, такъ какъ естественная граница отсутствуетъ) представляетъ собою своеобразный міръ, — отличный и отъ „Европы“ (какъ совокупности странъ, лежащихъ къ западу отъ Пулковскаго меридіана, въ сторону Атлантическаго океана) и отъ „Азіи“ (какъ совокупности низменностей Китая, Индостана и Мессопотаміи, горныхъ странъ, лежащихъ между ними, и острововъ, къ нимъ

прилегающих) — наиболее континентальный миръ изъ всѣхъ географическихъ мировъ того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материкахъ земного шара. Основнымъ топографическимъ элементомъ Россіи, какъ географическаго цѣлаго, являются три равнины: основная російская (которую по ея гранямъ можно наименовать „Бѣло-морско-Кавказской“), Сибирская и Туркестанская, равнины, обра-зующія, благодаря незначительности предѣловъ, ихъ отдѣ-ляющихъ другъ отъ друга (Ураль и Арало-Иртышскій водо-раздѣлъ), единое, во многихъ отношеніяхъ, равнинное про-странство. Россія представляетъ собою сочетаніе этихъ рав-нинъ съ частью горныхъ странъ, окаймляющихъ ея равнин-ное пространство съ востока и юга. . . Почти на всемъ своемъ протяженіи она обладаетъ климатомъ, единымъ во многихъ основныхъ своихъ чертахъ и въ то же время существенно от-личнымъ отъ господствующихъ климатовъ „Европы“ и „Азіи“. Почти все ея пространство получаетъ въ годъ осадковъ мен-ше 600 миллиметровъ; но на преобладающей части ея про-тяженія ихъ выпадаетъ болѣе 300 миллиметровъ. Между тѣмъ, для „Европы“ отличительны климатическіе типы съ количе-ствомъ осадковъ болѣе 600 миллиметровъ въ годъ, а для „Азіи“ — сочетаніе областей, получающихъ болѣе 600 миллиметровъ, съ областями, получающими менѣе 300. . . Но еще болѣе ха-рактерной чертой „россійскихъ“ климатовъ и въ то же время совершенно необычайной, въ качествѣ общаго правила, въ кли-матахъ „Европы“ и „Азіи“ — является весьма широкая ампли-туда колебанія температуръ въ теченіе года, чрезвычайно значительное отклоненіе средней температуры самаго жарка-го мѣсяца отъ температуръ самаго холоднаго. . . Въ Россіи это отклоненіе въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ пре-восходитъ 25° Ц. и въ Якутской области ставитъ мировые „ре-корды“, достигая 65° Ц. Въ „Европѣ“ и „Азіи“, только въ видѣ исключенія оно достигаетъ предѣла въ 25° Ц. . . Лишь весьма небольшіе, по своему протяженію, районы Россіи от-клоняются, въ своемъ климатическомъ характерѣ, отъ едино-образнаго типа и приближаются къ климатическимъ типамъ отличительнымъ для „Европы“ и „Азіи“. Перечислить эти рай-оны не трудно. Климатъ южнаго берега Крыма напоминаетъ собою климаты областей, лежащихъ вокругъ Эгейскаго и Мра-морнаго моря. Климатъ предгорьевъ Сѣвернаго Кавказа (Ека-теринодарь, Владикавказъ) близко подходитъ къ климату Дунайскихъ Странъ (Румынія, Венгрія). Климатъ Кавказско-Черноморскаго побережья воспроизводитъ собой климатиче-скій типъ Средняго Китая и Южной Японіи. Можно еще, по-жалуй, назвать климатъ Мурманскаго побережья, сходный съ

климатомъ странъ, окаймляющихъ Сѣверо-Восточный Бассейнъ Атлантическаго океана: Сѣверной Норвегіи, Исландіи, Фарерскихъ острововъ. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ климатическіе типы, охватывающіе внѣ предѣловъ Россіи обширныя пространства, — въ Россіи господствуютъ всего лишь на узкихъ полоскахъ земли, протянувшихся вдоль горныхъ хребтовъ или морскихъ побережій; имѣются, не какъ климаты значительныхъ, по своему протяженію, географическихъ областей, но скорѣе „для коллекціи“ . . . Различія преобладающихъ типовъ россійскаго климата, съ одной стороны, и климатовъ „Европы“ и „Азіи“, съ другой, можно, въ нѣкоторой степени, свести къ традиціонному различію климата „континентальнаго“ и „океаническаго“. Слѣдуетъ отмѣтить, сколь грандіозную совокупность „континентальныхъ“ климатовъ являетъ собою Россія; и въ то же время предостережетъ отъ воззрѣнія, что „континентальность“ ея климатовъ составляетъ нѣкоторую географическую ея „обездоленность“, воззрѣнія, которое не чуждо нашимъ элементарнымъ учебникамъ географіи. Вопросъ о „преимуществахъ“ океаническаго климата гораздо сложнѣе, чѣмъ это обычно думаютъ. Не такъ какъ мы не пишемъ изслѣдованія по географіи, то не можемъ входить въ подробности. . . Въ отношеніи почвъ, той скрѣпной, которая накрѣпко связываетъ части Россіи, лежащая по одну и по другую сторону Уральскаго хребта, является полоса Черноземовъ, которая простирается отъ предѣловъ Подоліи до Минусинскихъ степей и въ то же время не имѣетъ никакихъ аналогій среди почвъ „Европы“ и „Азіи“ . . .

Россія, какъ по своимъ пространственнымъ масштабамъ такъ и по своей географической природѣ, единой во многомъ на всемъ ея пространствѣ и въ то же время отличной отъ природы прилегающихъ странъ, является „континентомъ въ себѣ“. Этому континенту, предѣльному „Европѣ“ и „Азіи“, но въ то же время не похожему ни на ту, ни на другую, подобаетъ, какъ намъ кажется, имя „Евразіи“. Это обозначеніе прилагаютъ обыкновенно ко всему материку „Стараго Свѣта“. Мы же въ данномъ случаѣ хотимъ приложить его къ срединной части этого материка, къ той обширной области, центромъ которой является средостѣніе между Европой и Азіей, въ традиціонномъ ихъ разграниченіи. вмѣсто обычныхъ двухъ — на материкѣ „Стараго Свѣта“ мы различаемъ три континента: Европу, Евразію и Азію. . . Предѣлы „Евразіи“ не могутъ быть установлены по какому либо несомнѣнному признаку, такъ же, какъ не можетъ быть установлена такая граница въ отношеніи къ обычному подраздѣленію Европы и Азіи. Въ послѣднемъ случаѣ предѣломъ Европы условно

считаются восточныя границы Архангельской, Вологодской, Пермской, Уфимской, Оренбургской губерній и Уральской области. Такъ же условно предѣломъ „Евразіи“ можно считать границы Державы Россійской или ея частей, лежащихъ къ востоку отъ Пулковскаго меридіана . . . Такимъ образомъ, Россію мы отождествляемъ съ Евразіей. Въ связи съ этимъ, противоположеніе „Европы и Россіи“, заключающее въ себѣ несомнѣнную географическую несообразность, раскрывается для насъ въ противоположеніе „Европы и Евразіи“, которое, при нѣкоторомъ видоизмѣненіи обычныхъ географическихъ опредѣленій, звучитъ, какъ намъ кажется, точнѣе и четче . . . (это видоизмѣненіе не устраняетъ, конечно, имени Россіи, во всемъ его историческомъ и этнографическомъ значеніи). Но не только въ географическихъ опредѣленіяхъ — смыслъ предлагаемаго измѣненія формулировокъ. Это измѣненіе ориентировано также на опредѣленные культурно-историческія обстоятельства: учитывая то, что съ понятіями „Европы“ и „Азіи“ связаны у насъ нѣкоторыя культурно-историческія представленія, мы заключаемъ въ имя „Евразіи“ нѣкоторую сжатую культурно-историческую характеристику того міра, который иначе называемъ „россійскимъ“, — его характеристику, какъ сочетанія культурно-историческихъ элементовъ „Европы“ и „Азіи“, не являющагося въ то же время, въ полной аналогіи съ природой географической, — ни Европой, ни Азіей . . . Параллели между условіями географическими и культурно-историческими можно продолжить и далѣе. Въ этомъ отношеніи особенно интересно сопоставленіе именно „Европы и Евразіи“. Европѣ неизвѣстны ни столь высокія, ни столь низкія температуры, какія являются общимъ правиломъ въ климатѣ Россіи — Евразіи. Нельзя ли констатировать въ духовной жизни послѣдней извѣстнаго параллелизма этой широтѣ амплитудъ термическихъ колебаній? Не является ли характернымъ для Россійско-Евразійской культуры, не служитъ ли отличіемъ Россійско-Евразійской души нѣкоторое сочетаніе такой душевной темноты и низости съ такой напряженностью просвѣтленія и порыва, которое недоступно европейской душѣ и неизвѣстно въ европейской культурѣ, уравновѣщенной и законченной въ своей, относительно-узкой, духовной амплитудѣ? . . . Замѣна имени „Россіи“ именемъ „Евразіи“ имѣетъ для насъ значеніе также и въ примѣненіи къ тому конкретно-историческому противопоставленію „Европы и Россіи“, „Европы и Евразіи“, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ. Совершенно очевидно, что въ не-романогерманскомъ мірѣ, въ отношеніи котораго мы ставимъ вопросъ, не является ли „Ев-

разія“ или „Россія“ той силы, которая способна свергнуть съ себя безусловное подчиненіе „романогерманской“ культурѣ и устранить слѣпое подражаніе „европейскому“ образцу, „кошмаръ . . . всеобщей европеизаціи“, — совершенно очевидно, что въ этомъ мірѣ этнографическая Россія играетъ центральную и опредѣляющую роль. Но было бы совершенно неправильно то культурно-историческое противопоставленіе, наростаніе котораго мы можемъ осязать въ современности, — сводить къ противоположенію Европѣ Россіи, какъ этнографическаго цѣлаго. Противоположеніе это питается и въ идеологическомъ и въ милитарномъ отношеніи силами не одной этнографической Россіи, но цѣлаго круга примыкающихъ къ ней туранскихъ, монгольскихъ, арійскихъ, иверскихъ, финскихъ народовъ. Силы этихъ народовъ частично способствовали созданію Россійской мощи и культуры, онѣ дѣйствуютъ и въ явленіи большевизма, — между тѣмъ, въ явленіи этомъ, — несмотря на его отвратительное и дикое лицо, — несомнѣнно заложены элементы протеста нѣкотораго не-романогерманскаго міра противъ романогерманскаго культурнаго и иного „ига“. Даже исключительно въ цѣляхъ учесть такое соучастіе не-россійскихъ элементовъ въ нѣкоторомъ общемъ съ этнографической Россіей дѣйствіи — было бы правильно Россію, въ ея противопоставленіи „Европѣ“, именовать „Евразіей“. Но въ существѣ вопросъ ставится шире. Къ границамъ Россіи примыкаетъ рядъ народовъ и странъ, которые, не входя въ предѣлы Россіи и стремясь въ большинствѣ случаевъ сохранить полную свою политическую отъ нея независимость, — связаны, однако, съ Россіей нѣкоторою общностью духовнаго склада и отчасти расовыхъ и этнографическихъ свойствъ. Страны эти не являются „романогерманскими“, но въ рядѣ случаевъ такъ же какъ и Россія, служили и служатъ объектомъ „европеизаціи“. Въ то же время многія изъ нихъ заключаютъ въ своемъ прошломъ и настоящемъ залогъ духовнаго своеобразія. Народы и страны эти, весьма вѣроятно, могутъ стать союзниками Россіи или примкнуть къ ней въ ея культурно-историческомъ противоположеніи „Европѣ“. Не исключено, что это случится (а отчасти уже и имѣетъ мѣсто) въ отношеніи нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, турокъ, персовъ, монголовъ застѣннаго Китая . . . Интересно отмѣтить, что эти народы занимаютъ территоріи, на большей части своего протяженія приближающіяся по своему географическому характеру, къ природѣ Россіи Евразіи. Напр., климаты плато Малой Азіи, Ирана и сѣверо-западнаго Китая близко подходятъ къ климатическимъ типамъ Евразіи, напр., по количеству осадковъ или по амплитудѣ термическихъ колебаній. Страны

эти принадлежатъ къ числу горныхъ областей, отдѣляющихъ равнинное пространство Евразіи отъ низменностей Азіи, — областей, часть которыхъ входитъ въ предѣлы Россіи; ихъ близость, по географическому характеру, къ природѣ Россіи—Евразіи иллюстрируетъ фактъ отсутствія опредѣленныхъ естественныхъ границъ между Евразіей и Азіей. Существованіе же этихъ странъ, въ ихъ географическомъ и культурно-историческомъ сближеніи съ Россіей, — даетъ намъ новое основаніе въ нашемъ разборѣ соотношеній между романогерманскими и не-романогерманскими культурами говорить не о Россіи, но именно объ „Евразіи“ . . .

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что противоположеніе „Европы и Евразіи“ вовлечетъ въ свое лоно также и нѣкоторые народы „Азіи“. Но допуская возможность подобнаго расширенія рамокъ мірового протеста противъ романогерманской агрессіи, слѣдуетъ оговориться, что расширеніе этихъ рамокъ на такіе народы, какъ индусы или китайцы, отнюдь не означаетъ расширенія ихъ до предѣловъ всего „Человѣчества“. Ибо индусы или китайцы, въ смыслѣ потенцій культурно-историческаго противопоставленія, отнюдь не однохарактерны, напр., неграмъ, австралійцамъ или папуасамъ . . .

Но и того расширенія рамокъ, — возможность котораго допускаемъ мы, совершенно достаточно, чтобы обосновать вопросъ: поскольку Россія, въ своемъ противопоставленіи „Европѣ“—вовлекаетъ въ свой лагерь цѣлый рядъ иныхъ не-россійскихъ народовъ, не означаетъ-ли для этихъ народовъ такое вовлеченіе простую смѣну ига „романогерманской“ культуры игомъ культуры россійской? Отвѣчая на такой вопросъ, слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить, что и народы Евразіи не однохарактерны другъ другу; ихъ культурныя потенціи различны; и напр. то, что можетъ относиться къ тунгусамъ, не относится къ башкирамъ и киргизамъ, а тѣмъ болѣе къ туркамъ и персамъ. Жизнь жестока; и на слабѣйшихъ народахъ Евразіи можетъ тяготѣть россійское иго, однохарактерное игу романогерманскому. . . Но въ отношеніи народовъ, не лишенныхъ культурныхъ потенцій — важнѣйшимъ фактомъ, характеризующимъ національныя условія Евразіи,—является фактъ инного конструирования отношеній между россійской націей и другими націями Евразіи, чѣмъ то, которое имѣетъ мѣсто въ областяхъ, вовлеченныхъ въ сферу европейской колониальной политики, въ отношеніяхъ романогерманцевъ и туземныхъ народовъ. Евразія есть область нѣкоторой равноправности и нѣкотораго „братанія“ націй, — не имѣющаго никакихъ аналогій въ междунаціональныхъ соотно-

шеніяхъ колониальныхъ имперій. И „Евразійскую“ культуру можно представить себѣ въ видѣ культуры, являющейся, въ той или иной степени, общимъ созданиемъ и общимъ достояніемъ народовъ Евразіи. Но мыслима-ли подобная общность культурнаго созиданія и достоянія, въ отношеніи романогерманцевъ и, напр., негровъ Банту или хотя-бы малайцевъ?...

IV.

Въ какихъ-же реальныхъ формахъ можетъ произойти тотъ „переворотъ... въ психологіи“ и будетъ протекать та „борьба... безъ какихъ-бы то ни было компромиссовъ“, которая должна освободить не-романогерманскіе народы „отъ навязанія романогерманской идеологіи“ (Трубецкой, стр. 79)? Чтобы такая борьба могла осуществиться,—изъ подъ дѣйствія „переворота... въ психологіи“ должны быть обязательно изъяты, какъ мы стремились показать въ предыдущемъ—романогерманскія техника и наука. Въ противномъ случаѣ, романогерманскія пушки весьма скоро и радикально возвратятъ самоутвердившійся народъ подъ „ненавистное иго“. Иными словами „переворотъ... въ психологіи“ можетъ касаться именно только „идеологіи“... Кн. Трубецкой говоритъ объ „эгоцентризмѣ, проникающемъ собою всю культуру романогерманцевъ“ (стр. 76) и „заставляющемъ видѣть во всѣхъ элементахъ этой культуры нѣчто абсолютно высшее и совершенное“ (стр. 77). Въ эгоцентризмѣ кн. Трубецкой усматриваетъ „роковую недостаточность“ романогерманской культуры. Его программа „борьбы... безъ какихъ-бы то ни было компромиссовъ“ сводится именно къ тому, что „европеизированные не-романогерманскіе народы при восприниманіи европейской культуры вполне могутъ очищать ее отъ эгоцентризма“ (стр. 76). Согласно сказанному выше, такая „чистка“ можетъ относиться только къ идеологіи. И поэтому, если ставить вопросъ о реальномъ осуществленіи „программы“ князя Н. С. Трубецкого, то слѣдуетъ задаться вопросомъ, возможно-ли освободить отъ эгоцентризма національную идеологію того или иного народа. Вспомнимъ, что идеологія, такъ же, какъ и всякая иная „культурная цѣнность“, существуетъ, поскольку она принята для удовлетворенія опредѣленнаго рода потребностей „всѣми или частью представителей даннаго народа“. Мыслимо-ли, чтобы тотъ народъ или та часть его, которая утверждаетъ своимъ признаніемъ самое бытіе данной идеологіи, отказалась-бы отъ „эгоцентризма“ въ оцѣнкѣ послѣдней? Не представляется-ли совершенно очевиднымъ, что люди именно потому и приѣмлютъ ту или иную идеологію для

удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, что видятъ въ ней „нѣчто.. высшее и совершенное“? И признать чужую идеологию болѣе высокой и совершенной, чѣмъ своя собственная, или хотя-бы столь-же высокой и совершенной, какъ послѣдняя, не значить-ли это отказаться отъ своей идеологии и тѣмъ самымъ устранить ея существованіе?... Намъ кажется, что въ самомъ понятіи „идеологии“ заложенъ признакъ „эгоцентризма“. И поскольку кн. Трубецкой чаемое имъ сверженіе „тяжелаго гнета“ романогерманской культуры желаетъ произвести путемъ очищенія культуръ отъ „эгоцентризма“, идеи его являются столь-же нереальными и отчужденными отъ эмпирической дѣйствительности, какъ и его мысль о возможности культурной эмансипаціи всего „человѣчества“. Не служить-ли лучшимъ доказательствомъ правильности такого признанія отношеніе самого кн. Трубецкого къ проповѣдуемой имъ идеологии борьбы „съ кошмаромъ всеобщей европеизаціи“? Въ той области, которой касаются его построенія, онъ считаетъ, что всѣ „противупоставленія“, вскрытыя до него, — „не даютъ истиннаго рѣшенія проблемы, и что истинное противупоставленіе есть только одно“: — конечно, то, которое усматриваетъ кн. Н. С. Трубецкой: „романогерманцы — и всѣ другіе народы міра, Европа и Человѣчество“. Не показываетъ-ли это, что и самъ авторъ разбираемой брошюры признаетъ созданную имъ идеологию „выше и совершеннѣе“ всякой иной, касающейся тѣхъ-же вопросовъ? Интересно, какъ докажетъ онъ возможность, чтобы не только отдѣльные индивиды, но и цѣлые народы отказались отъ „эгоцентризма“, когда онъ самъ, въ своей идеологии, находится всецѣло во власти этого „рокового недостатка“... Нужно признать категорически, что реалистическая и эмпирическая постановка проблемы эмансипаціи отъ „неизбѣжности всеобщей европеизаціи“ отнюдь не связана съ отказомъ отъ „эгоцентризма“ со стороны тѣхъ народовъ, которые идутъ къ подобной эмансипаціи. Не конецъ, но начало „европеизаціи“ связано съ такимъ отказомъ. Именно тогда, когда народъ начинаетъ „стремиться искоренить свою туземную культуру въ угоду европейской“, когда его интеллигенція начинаетъ „смотреть на самихъ себя, какъ на отсталыхъ, остановившихся въ своемъ развитіи представителей человѣческаго рода“ (стр. 77) и оцѣнивать „свой народъ и культуру... съ точки зрѣнія романогерманца“, — именно тогда народъ всецѣло отрекается отъ эгоцентризма и поистинѣ перестаетъ думать, что его собственная, „туземная“ культура есть нѣчто „абсолютно высшее и совершенное“. Въ такой моментъ число самоутвержденныхъ національныхъ идео-

логій міра уменьшається на одну. Романогерманская идеологія устарае самобытную идеологію даннаго народа и замѣняетъ ее собою. Такое явленіе произошло, въ отношеніи Россіи, при Петрѣ Великомъ и позднѣе, когда въ идеологическомъ смыслѣ Россія распласталась на брюхѣ передъ „Европой“... При культурной „эмансипаціи“ народа должно происходить обратное. Народъ возвращается къ сознанію, что не какая либо чужая, привнесенная со стороны идеологія, но его собственная является „вышей и совершенной“. Онъ проникается „эгоцентризмомъ“; онъ превозноситъ свою идеологію и ея превосходство готовъ дѣйственно отстаивать предъ лицомъ чужестранцевъ. Число самоутвержденныхъ національныхъ идеологій міра увеличивается на одну...

Сказанное относится всецѣло къ мыслимой культурной эмансипаціи Россіи—Евразіи. Эмансипація эта можетъ быть обрѣтена этнюдь не на путяхъ противоположенія „Европы и Человѣчества“, которое существуетъ только въ мистическихъ чаяніяхъ, и не путемъ очищенія не-романогерманскихъ культуръ отъ элементовъ „эгоцентризма“,—но въ совершенно реальномъ противопоставленіи эгоцентризму европейскому — эгоцентризма евразійскаго. Залогъ осуществленія подобной эмансипаціи — именно въ созиданіи, сознательномъ и безсознательномъ, дѣйственаго и творческаго „эгоцентризма“ Евразіи, который сплотилъ бы силы и подвинулъ ихъ на жертвенный подвигъ. . .

Петръ Савицкій.

Хуторъ Нарли на Азіатскомъ берегу
Босфора. 8 Января 1921 года.